
Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 129—148
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.10

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 129—148
ББК 60.725.5
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.10

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ ЖЕНСКОЙ МИГРАЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Г. И. Осадчая, Е. Е. Киселева, Е. Ю. Киреев, А. А. Черникова

Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, Москва, Россия, osadchaya111@gmail.com

Актуальность представленного исследования обусловлена потребностью углубления научного анализа феминизации миграционных процессов на евразийском пространстве и отсутствием представления о степени разработанности и корректности научного знания о женской миграции. Цель статьи — выявить основные направления изучения данного феномена, а также дать критическую оценку глубины анализа проблематики в условиях развития научного дискурса о нем. Осуществлен обзор литературы и анализ тематических публикаций по проблемам женской миграции, проведена систематизация разрозненных сведений, определены тенденции в развитии научного знания по этой социальной проблеме. Показано, что актуализация изучения вопроса объясняется изменением масштабов женской миграции. Дана характеристика теоретических подходов, используемых для анализа феминизации миграции, выявлены наиболее обсуждаемые научные проблемы. Среди них: теоретические, методологические и методические вопросы исследований; направления, объемы и формы женской миграции; факторы, причины и последствия феминизации миграционных потоков; проблемы, с которыми сталкиваются женщины из-за миграции в странах исхода и принимающих странах. Названы перспективные идеи и направления дальнейшего развития научного знания о женской миграции: адаптация женщин-мигрантов в принимающих обществах и реадaptация в странах исхода; их интеграционные стратегии, индивидуальные практики, идентичности; сравнительные исследования положения женщин в странах исхода и принимающих обществах, социального здоровья, социального самочувствия и социальных настроений, влияния феминизации миграции на интеграционные процессы на евразийском пространстве. Важно в большей мере сосредоточиться на миграционной политике принимающих и отдающих стран, особенно ее социальных аспектах, на разработке мер по преодолению стереотипов в сферах политики и управления, на рынке труда и в средствах массовой информации. Все это будет способствовать лучшему пониманию интересов и особых потребностей женщин в миграционных процессах, изучению влияния гендерных отношений на принятие решений в данной сфере.

Ключевые слова: миграция, евразийское пространство, феминизация миграционных процессов, факторы, причины, последствия, страны исхода, принимающие страны, миграционная политика.

© Осадчая Г. И., Киселева Е. Е., Киреев Е. Ю., Черникова А. А., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50569 «Основные векторы женской миграции на евразийском пространстве».

THE MAIN VECTORS OF FEMALE MIGRATION IN THE EURASIAN SPACE

G. I. Osadchaya, E. E. Kiseleva, Ye. Yu. Kireev, A. A. Chernikova

Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Centre,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, osadchaya11@gmail.com

The relevance of the presented study is due to the need to deepen the scientific analysis of the migration processes feminization in the Eurasian space and the lack of understanding of the extent and the soundness of the previous scientific research in the women's migration sphere. The article aims to identify the main research areas within the study of this phenomenon and to critically assess the depth of existing analyses of issues in the development of scientific discourse about it. The article reviews the literature and analyzes thematic publications on the problems of women's migration, systematizes disparate knowledge, and identifies trends in the development of scientific knowledge on this social problem. The authors point out that women's migration study mainstreaming can be explained by the change in the scale of female migration. The article describes the theoretical approaches used to analyze the feminization of migration, and identifies the most discussed scientific issues. These include theoretical and methodological problems of research; women's migration turnover, patterns and forms; factors, causes and consequences of the feminization of migration flows; problems faced by women due to the origin of migration and host countries. The article determines the areas for women's migration continuing research. These include adaptation of migrant women in host societies and readaptation in the countries of origin, their integration strategies, individual practices, identities, comparative studies of women's social status in the countries of origin and host societies, social health, social well-being and social attitudes, the impact of the feminization of migration on integration processes in the Eurasian space. It is important to focus more on the migration policies of receiving and sending countries, especially their social aspects, and to develop measures to overcome stereotypes in the fields of politics and governance, the labor market and the media. All this will contribute to a better understanding of the ongoing processes, the study of the interests, special needs and unique experience of women in migration processes, the impact of gender relations on decision-making in this area, and the use of resources.

Key words: migration, Eurasian space, feminization of migration processes factors, causes, consequences, countries of origin, host countries, migration policy.

Введение

Наращение феминизации миграционных потоков на евразийском пространстве в рамках сложившейся модели миграционных потоков, характеризующейся в основном переездом на постоянное место жительства и трудовой миграцией из всех государств — членов ЕАЭС и СНГ в Россию, отмечается специалистами начиная с 2000-х гг. По экспертной оценке, в 2020 г. доля женщин в миграционном потоке из Кыргызстана достигла 40 %, из Узбекистана и Таджикистана — менее 20 % [Варшавер, Рочева, 2015; Рочева, 2020]. Отметим, что феминизация миграции характеризуется и увеличивающейся вовлеченностью женщин в рынок труда, занятием ими более статусных позиций.

Особые социальные функции, выполняемые женщиной в обществе, и сохраняющаяся дискриминация, общественная потребность в обеспечении равных

прав и возможностей мужчин и женщин в их самореализации актуализируют гендерное измерение миграционных процессов. В последние годы исследовательское поле женской миграции неуклонно увеличивается. Однако пока не проведена систематизация разрозненных сведений, не дан всесторонний анализ тематических публикаций, не выявлены тенденции в развитии научного знания по данной социальной проблеме.

Требует особого внимания выделение новых направлений исследований о женской миграции для понимания интересов и особых потребностей женщин в миграционных процессах, изучение влияния гендерных отношений на принятие решений в данной сфере, вопросов использования ресурсов.

Результаты исследования

Изучающие проблемы миграции фиксируют глобальный характер феминизации миграционных процессов. По их оценке, гендерный баланс в международной миграции стал меняться в конце XX в. под воздействием множества факторов в сторону увеличения доли женщин. По данным Международной организации по миграции, в 2019 г. женщины в общем миграционном потоке уже составляли 48 %, а среди трудовых мигрантов в 2017 г. — 42 % [Доклад о миграции в мире, 2020].

Изменение масштабов женской миграции актуализировало изучение этой проблемы. Основы теории женской миграции заложены такими зарубежными исследователями, как М. Мороквасик, Кр. Харциг, С. Чант и другие, на стыке экономической и гендерной социологии [Morokvasic, 1984; Chant, 1992; Harzig, 2001].

Основные принципы гендерного подхода к исследованию миграции приводятся в работах П. Пессар и С. Малер, Х. Лутц, Й. Карлинга, П. Хондагней Сотело, Н. Оиши [Mahler, Pessar, 2001; Lutz, 2002, 2010; Carling, 2005; Hondagneu-Sotelo, 1992, 2003; Oishi, 2002].

Х. Лутц свою схему изучения гендерной перспективы миграции связывает с транснациональной миграцией, подчеркивая, что она в большей мере гендерно-сбалансирована и мужчины в ней не всегда занимают сильную позицию в иерархии. Ее схема включает три уровня гендерно-опосредованных социальных феноменов. На макроуровне изучаются доступные женщинам и мужчинам сегменты рынка труда принимающей страны, которые вместе с гендерными порядками посылающих стран задают для них и потенциальных мигрантов структуру возможностей, а также встраивание мигрантов и обусловленность «сортинга» гендерными дискурсами принимающего и отправляющего обществ о «женской» и «мужской» работе. Эта структура возможностей связана, по ее мнению, с факторами мезоуровня, например социальными сетями, миграционными стратегиями и режимами миграции. На микроуровне исследуются индивидуальные практики, идентичности и позиции в транснациональном социальном пространстве [Lutz, 2002, 2010].

С. Малер и П. Пессар предлагают рассматривать гендерный аспект миграционных процессов с точки зрения теории «гендерных пространств власти» [Mahler, Pessar, 2001]. Н. Оиши для понимания и объяснения особенностей женской миграции использует существующие теории миграции, не инкорпорируя в них гендерный подход [Oishi, 2002].

Б. Андерсон, исследуя социальное здоровье женщин-иммигрантов, прежде всего акцентирует внимание на психологическом здоровье и приходит к выводу о том, что особое влияние на него оказывает социальная среда. Домашние дела как обязанность и невозможность заняться чем-то другим угнетают женщин-иммигрантов [Anderson, 1997].

Многие исследователи женской трудовой миграции используют подход «Women in Development» («Женщина в развитии»), согласно которому возрастание роли женщин в международном миграционном обмене связано с процессами углубления глобализации, экономическим развитием и формированием специфически женских сфер занятости [Anderson, 1997; Phizacklea, 1998; Lutz, 2010].

Активизация миграционных процессов на евразийском пространстве в конце 1990-х — начале 2000-х гг. привлекла к этой тематике внимание российских исследователей. Основы теории женской миграции развивали Е. Тюрюканова, З. Хоткина, И. Бритвина, И. Гобеджишвили, В. Подшивалов и другие [Тюрюканова, 1996, 2002; Хоткина, 2003; Бритвина, 2006; Гобеджишвили, 2005; Подшивалов, 2004].

В последние годы гендерные аспекты миграционной проблематики в Большой Евразии все чаще включаются в научный дискурс. Анализ публикаций по теме за последние 5 лет выявил ряд наиболее обсуждаемых научных проблем: 1) теоретические, методологические и методические проблемы исследований женской миграции; 2) направления, объемы и формы женской миграции; 3) факторы, причины и последствия феминизации миграционных потоков; 4) проблемы, с которыми сталкиваются женщины из-за миграции в странах исхода и принимающих странах.

1. Теоретические, методологические и методические проблемы исследований женской миграции

А. Рочева предлагает для исследования проблем женской миграции использовать концепцию интерсекциональности [Collins, 2000], в которой позиция каждого индивида в обществе определяется посредством пересечения осей дифференциации — класса, этничности, гендерной идентичности и сексуальной ориентации, миграционного статуса, ограниченных возможностей, что, в свою очередь, обуславливает возможность доступа к ресурсам и задает занимаемую позицию, детерминирует положение женщин-мигранток и может стать причиной дискриминационного отношения и неравенства в доступе к ресурсам, в том числе к медицинским и социальным услугам. Предлагается также использовать потенциал концепции стратифицированного воспроизводства [Colen, 1995: 78] для исследования разнообразия внутри одной группы. Изучая «траектории женщин-мигрантов из Кыргызстана при взаимодействии с медицинскими учреждениями в ситуации беременности и родов в Москве», она отмечает, что репродуктивное поведение может реализовываться и оцениваться по-разному, в зависимости от доступа к материальным и социальным ресурсам в конкретном историческом и культурном контексте [Рочева, 2014: 367].

Ж. Кадыркулова указывает на важность учета — при изучении последствий миграционных процессов для женщин — социально-культурного контекста страны исхода. Так, для понимания ситуации в Кыргызстане она считает

необходимым рассматривать миграцию женщин с точки зрения отсутствия гендерного равенства, традиционных ролей женщин, рынка рабочей силы для мужчин и для женщин, гендерного насилия, глобальных процессов феминизации нищеты и миграции рабочей силы [Кадыркулова, 2018].

Продуктивными для изучения миграционных процессов женщин могут быть теория практик и социология материального [Пешкова, 2018], поскольку современная миграция, как сложный транснациональный феномен, характеризуется циркуляцией между странами не только людей, идей, символов, социальной и экономической активности, но и элементов материальной культуры, а также желаний и ожиданий относительно материальных ценностей.

В. Пешкова показывает, что «перформативность и контекстуальность» социальных функций и смыслов вещей, их роль в миграционных практиках подтверждаются миграционным обменом между Средней Азией и Россией. Между мигрантами и их семьями, сообществом в отправляющей стране перемещаются вещи (подарки, сувениры и т. п.), которые характеризуют особенности миграционного движения между странами, влияют на качество жизни семей мигрантов, активизируют формирование диаспоральности и через «экзотизацию этнического мигрантов» позволяют получать представление об их культуре [там же].

По мнению А. Гребенюка, значимой и актуальной для понимания женской миграции представляется теория двойных рынков труда М. Пиоре [Гребенюк, 2016]. Двойственный характер рыночной экономики, искусственная сегментация рынка труда, защищенность местного населения различными общественными институтами (профсоюзы, трудовое законодательство) и меньшая защищенность мигрантов обуславливают спрос на рабочую силу, не притязательную к условиям труда и готовую работать в неблагоприятных и нестабильных условиях с низкой оплатой труда. Этим объясняется адаптивность значительного числа мигрантов-женщин к низкооплачиваемой и тяжелой работе [Piore, 1979].

И. Короткова, Н. Гаврилова предлагают в качестве показателей серьезности намерений мигрантов интегрироваться в принимающую среду использовать оценку установок на улучшение образования детей, намерение дать образование своим детям в России, восприятие России в качестве постоянного места жительства, на контакты и связи с местными жителями и их отсутствие со страной происхождения, а также на брак с представителями местного сообщества [Korotkova, Gavrilova, 2019].

2. Направления, объемы и формы женской миграции

Ряд научных статей посвящены анализу направлений, объемов и форм женской миграции. По оценке ученых, ее главным вектором на евразийском пространстве из государств — членов ЕАЭС и стран СНГ остается Россия, из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана — Россия и Казахстан, страны Ближнего Востока. Эмигрантки из Молдовы, Украины и Беларуси чаще выезжают на заработки в страны Европы, преимущественно в Италию, Португалию, Испанию. Отмечается распространение на постсоветском пространстве брачной эмиграции, прежде всего женщин славянского фенотипа [Осадчая, Юдина, 2016; Рязанцев и др., 2019b].

Принимает все большие масштабы явление «родильного туризма» мигранток из Центральной Азии [Батенева, 2013].

В активизации миграционных процессов в Евразии ощутима роль азиатских государств: Китая, КНДР, Турции, Вьетнама [Труд и занятость в России, 2018].

Специалисты фиксируют расширение социальной базы эмиграции из России в том числе за счет женщин [Ионцев и др., 2016], а также рост трудовых миграций среди женщин в возрастных когортах 30—34 и 50—59 лет. Особенно это характерно для женщин — трудовых эмигрантов из России [Todorov et al., 2018].

Отмечается все большее включение женщин во все формы миграции, прежде всего трудовую, затем образовательную, воссоединения с семьей [Рязанцев и др., 2019а; Байков и др., 2018]. Наибольшая востребованность — трудящихся-мигрантов со средним уровнем образования, хорошо знающих русский язык: на них приходилось в 2016 г. 70 % работавших в России граждан Кыргызстана. По мнению исследователей, знание русского языка позволяет гражданам Кыргызстана лучше трудоустроиться в различных отраслях российской экономики, нежели выходцам из Таджикистана, уровень владения русским языком которых значительно ниже [Полетаев, 2016, 2018].

Е. Тарханова в качестве специфики женской трудовой миграции в России отмечает наличие вынужденной миграции, коснувшейся женщин с детьми. В силу нехватки собственных трудовых ресурсов их труд оказался значим для экономики принимающей страны, но, поскольку данная категория мигранток трудоустроена в основном в неформальном секторе экономики и частных домохозяйствах, автор характеризует их как «невидимых работников», перечисляет трудности, с которыми они сталкиваются, и описывает последствия, к которым приводит такой «неформальный труд» [Тарханова, 2015].

Анализируя влияние на миграционные процессы пандемии COVID-19, С. Сивоплясова пишет, что женщины в меньшей степени почувствовали на себе ограничительные меры, связанные с эпидемией, поскольку в условиях распространения коронавируса наиболее пострадавшими отраслями стали строительство, некоторые виды торговли, сферы красоты и досуга. Гендерные особенности трудоустройства мигранток связаны с уходом за детьми, больными и престарелыми, оказанием помощи в ведении домашнего хозяйства [Сивоплясова, 2020].

При этом подчеркивается сложность точного выделения доли женщин в миграционных потоках на евразийском пространстве из-за отсутствия открытой статистики по данному показателю [Рязанцев и др., 2019b: 57], важность в этой связи оценок экспертов.

А. Илимбетова полагает, что слабое отражение процесса феминизации миграции и места женщин-мигрантов на рынке труда России в официальной статистике объясняется тем, что их труд применяется преимущественно в теневой экономике. Нелегальная занятость женщин-мигрантов благоприятствует закреплению дискриминационных практик на рынке труда и способствует их социальной и экономической уязвимости, что требует учитывать гендерный фактор в миграционном законодательстве и социальной политике принимающих стран [Илимбетова, 2013].

3. Факторы, причины и последствия феминизации миграционных потоков

Большой пласт научных работ посвящен анализу факторов, причин и последствий феминизации миграционных потоков [Осадчая, 2015, 2017; Бедрина, Тухтарова, 2016].

Среди факторов указывается такое важное событие для активизации женской миграции на евразийском пространстве, как создание Евразийского экономического союза [Осадчая, 2017; Осадчая и др., 2018; Кирова, 2019].

По мнению исследователей, рост числа женщин в миграционных потоках в Евразии обусловлен социально-демографической ситуацией в странах исхода; изменениями рынков труда, открытием новых ниш; повышением социально-экономической роли женщин в обществах, отправляющих мигрантов; изменением социальных установок в странах исхода; ростом уровня образования и карьерных установок женщин [Куприна, 2017]. К ключевым факторам феминизации миграции относят дефицит рабочей силы и формирование отраслей экономики с непривлекательными для принимающих стран рабочими местами (торговля, клининг, социальное и бытовое обслуживание, частные и общественные услуги) [Илимбетова, 2013]. На примере Кыргызстана отмечается такой специфический фактор для отдельных стран Евразии, как нехватка возможностей получения работы на формальном рынке труда и растущая ненадежность дохода женщин [Кадыркулова, 2018].

М. Секач и С. Мостиков пишут о возрастании значения психологического фактора, связанного с готовностью женщин опираться только на себя и свои силы, рисковать и устраивать свою жизнь самостоятельно [Секач, Мостиков, 2017].

Вышеперечисленные факторы подтверждает Н. Рычихина. Она отмечает, что активное появление женщин на рынке труда международных компаний объясняется обладанием ими соответствующим образованием, желанием строить карьеру, стать полноправными, самостоятельными, активными участниками процесса трудовой международной миграции. Ею выделяются характерные черты современной женской трудовой миграции: нацеленность на работу в другой стране, самостоятельный поиск работы на зарубежных рынках труда, осознанный выбор зарубежной компании для реализации своего трудового потенциала, экономические мотивы трудоустройства по специальности [Рычихина, 2020: 48].

Многими исследователями подчеркивается значение в активизации женской миграции изменения статуса женщин в странах евразийского и постсоветского пространства, существенный вклад трудовой миграции в жизнь общества на национальном и региональном уровнях [Рязанцев и др., 2019b].

На смену традиционных стереотипов в таджикском обществе, ведущих к усилению роли женщин в миграционных потоках, указывает Д. Полетаев. Сегодня женщины из Таджикистана все чаще едут как самостоятельные трудовые мигрантки не только в Россию, но и на Ближний Восток, в Корею, Японию, Восточную Европу — с детьми или оставляя детей дома на попечение родственников, в основном родителей. В ходе опроса респондентки из Кыргызстана и Таджикистана главными причинами феминизации трудовой миграции назвали желание заработать денег, воссоединение с семьей, намерение устроить личную жизнь [Полетаев, 2013, 2018].

Пониманию причин распространения женской миграции помогают эмпирические исследования, проведенные в Республике Башкортостан. Респондентами названы потребность в средствах для воспитания и обучения детей, отсутствие собственного жилья на родине, безработица, бедность, разлады в семье, долги, потребность в средствах на лечение близких людей и др. [Пескова, Абреу Бастос, 2014].

Исследователями фиксируются как позитивные, так и негативные последствия феминизации миграции. По данным эмпирических исследований, подавляющее большинство опрошенных — 84,6 % — считают, что трудовая миграция может иметь позитивное воздействие на жизнь и карьеру женщин, 62,4 % респондентов убеждены, что она оказывает благотворное влияние на регионы и страны, принимающие мигрантов [там же].

Мигрантки из Кыргызстана и Таджикистана к позитивным итогам отъезда из стран происхождения относят рост дохода, который в основном используется на питание, образование детей и улучшение жилищных условий; изменение привычных им гендерных ролей и статуса в домохозяйстве; получение независимости (от мужа, родителей и т. п.); приобретение делового опыта, что облегчает трудоустройство в будущем, положительно сказывается не только на самих женщинах и их домохозяйствах, но на экономике Кыргызстана и Таджикистана [Полетаев, 2016, 2018].

При этом отмечается, что женская трудовая миграция — рискованный проект, она может негативно повлиять на жизнь женщин, их здоровье, на отношения с детьми, в семье и обществе. Часто женщинам очень тяжело реинтегрироваться назад в общество; им трудно найти работу в связи с потерей квалификации и ценного человеческого капитала; у них чаще случаются недоразумения с повзрослевшими без них детьми и разводы в семьях; они чаще остальных женщин попадают под воздействие депрессий, нервных срывов [Пескова, Абреу Бастос, 2014].

Одним из значимых социальных последствий миграции становится распад семей. Так, в Кыргызстане происходит рост семей с одним родителем или без родителей (дети находятся на попечении родственников или соседей), что приводит в том числе к разрушению семейных ценностей и национальных традиций. В Армении подобную проблему отмечают 84,4 % постоянных и 79,1 % сезонных мигрантов [Куприна, 2017]. В Кыргызстане растет число детей, которые вынужденно становятся кормильцами; растет также количество родившихся и оставленных мигрантками в России по причине рождения вне брака или из-за недостатка средств к содержанию, а также по иным причинам. Фиксируется рост неформальных браков и распространение неформального родительства; отмечается высокий уровень стигматизации оставленных мигрантками семей в кыргызском обществе; имеют место тенденции размывания традиционных семейных норм и ценностей [Кадыркулова, 2018].

Негативное влияние женской миграции на ухудшение ситуации в социальной сфере в странах Средней Азии, по мнению исследователей, носит долгосрочный и мультипликативный характер. Отсутствие возможности у женщин ухаживать за престарелыми родителями создает ситуацию давления на социальные системы Кыргызстана и Таджикистана и ухудшает общий социальный фон. Указывается на снижение уровня доверительного отношения к государству как

к институту, в силу его неспособности защитить их родителей и предпринять дополнительные социальные меры для улучшения качества жизни их детей. При этом в странах исхода отмечается формирование подозрительности и даже недоброжелательности общества по отношению к женщинам-мигрантам [Полетаев, 2018].

Влияние миграции на рождаемость оценили К. Казенин, Э. Идрисов, М. Имашева. На основе проведенного ими анкетирования женщин 16—40 лет ногайской национальности, проживающих в местах компактного расселения ногайцев в Дагестане, сделан вывод о том, что миграция рассматриваемой группы северокавказского населения оказывает влияние на брачно-репродуктивное поведение женщин: повышается возраст вступления в брак и рождения первого ребенка и понижается число рожденных детей. Ученые показали, что изменение брачно-репродуктивного поведения у мигранток по сравнению с женщинами, проживающими на отправляющей территории, не может быть объяснено различиями между ними по степени традиционности организации семьи и степени религиозности [Казенин и др., 2018].

В качестве одной из актуальных проблем, связанных с женской миграцией из центральноазиатских стран, называется проблема брошенных детей («родильный туризм»), которые были рождены в миграции. Е. Батенева провела анализ материалов, который выявил, что чаще всего детей оставляют женщины из Кыргызстана. Но это не означает, что киргизские женщины хуже относятся к детям — их в Москве на заработках значительно больше, чем таджичек или узбечек [Батенева, 2013].

4. Особенности адаптации женщин-мигрантов

Исследователи отмечают, что среди мигрантов женщины более позитивно психологически настроены, чем мужчины, ориентированы на скорейшее привыкание к особенностям нового населенного пункта и к образу жизни местных жителей, что приводит к более быстрой, по сравнению с мужчинами, адаптации. Они активно участвуют в определении способов и направления переезда. Это приводит к меньшей разочарованности от результатов достигнутого. Им присущи особый способ установления связей и контактов, психологической разгрузки, борьбы со стрессом аккультурации («огородничество», сближение с другими мигрантами, завязывание контактов с местными жителями для эмоционального общения, поездки в гости, перечитывание писем, просмотр фотографий «из прежней жизни» и др.), способность к изменению системы жизненных ценностей, переоценке прежней жизни [Тарханова, 2015].

Исследователями дан сравнительный анализ особенностей адаптации мигранток из Кыргызстана и Таджикистана в России. По их оценкам, женщинам из Кыргызстана необходимо меньше времени для адаптации к российским условиям, также им свойственны более независимые модели поведения в отличие от женщин из Таджикистана [Полетаев, 2016].

С. Яловицына, исследуя влияние «опыта войны» в результате локальных военных конфликтов (Нагорный Карабах, Чечня и Ингушетия, Таджикистан) на социальную адаптацию мигрантов из стран бывшего Советского Союза в России (Республика Карелия), приходит к выводу о том, что вопросы привыкания мигрантов к жизни на новом месте глубоко связаны с проблемами межнациональных

отношений, травматический опыт локальных конфликтов постсоветской России оставил глубокий след в историях их жизней. Механизмом успешной адаптации, аргументом для консолидации является память о Великой Отечественной войне [Яловицына, 2020].

5. Проблемы женщин-мигрантов

В работах приводится анализ сфер занятости женщин со ссылкой на эмпирические данные. Согласно исследованию 2015 и 2016 гг., женщины из Таджикистана и Кыргызстана работали в следующих отраслях: сервисная экономика (43 % — общепит, сферы развлечений, гостиничного бизнеса и др.), торговля (31 %), домашний труд (8 %), ЖКХ (5 %), транспорт и связь (2 %), образование (1 %) и здравоохранение (1 %) [Полетаев, 2018]. Подчеркивается, что выход женщин — трудовых мигрантов на рынок домашнего труда дает возможность части россиянок вновь вернуться на предприятия, в организации, учреждения [Мануйлова, 2017]. Авторы анализируют стратегии поиска работы гражданами Кыргызстана и Таджикистана. По данным исследований Д. Полетаева, мигранты чаще всего ищут работу посредством использования социальных сетей (69 %). Ввиду наличия более широкого спектра профессий выходцы из Кыргызстана реже пользуются мигрантскими социальными сетями (друзья, родственники), при этом они чаще ищут работу через различные виды объявлений (Интернет, газеты, радио) [Полетаев, 2016].

Многие отмечают, что женщины-мигранты чаще попадают в ситуации, когда работодатель не выплачивает заработную плату, не соблюдает условия трудового договора. Зачастую между женщиной-работником и работодателем нет документально закрепленных правовых отношений. Особенно часто работа по устной договоренности распространена в частном секторе экономики. В этом случае решение трудовых споров невозможно в судебном порядке [Полетаев, 2016; Рязанцев и др., 2019b].

С. Рязанцев с соавторами пишут: «...сохраняются высокие риски вовлечения женщин — трудящихся-мигранток в трудовую эксплуатацию и торговлю людьми в России». Отмечаются факты, когда работодатели отбирали паспорта, принуждали к сверхурочному труду, подвергали мигранток насилию и трудовой эксплуатации, продавали их в рабство. «...Многие женщины-мигрантки испытывают на рынке труда двойную дискриминацию — и как мигрантки, и как женщины» [Рязанцев и др., 2019b: 60]. Л. Карачурина также отмечает, что трудовые мигрантки, занятые в эмоциональном и контактном труде по оказанию услуг по дому, становятся полностью незащищенными от работодателей, оторванными от своих семей, но максимально приближенными к личному пространству чужих семей и их дому и в подавляющем большинстве заняты неформально [Карачурина, 2015].

Как социальная проблема осознается учеными прекаризация женщин-мигрантов. На основе проведенного социологического исследования, посвященного изучению уровня и качества жизни женщин-мигрантов в Италии, делается вывод о том, что условия жизни и уровень их занятости оцениваются как крайне неудовлетворительные и по всем критериям женская миграция является прекариатом, а женщины-мигранты — прекариями [Богатырева, Нафикова, 2015].

Однако наши исследования не подтверждают такого однозначного вывода [Осадчая, 2019].

Значимой социальной проблемой является несовершенство системы оказания мигрантам медицинской помощи. В результате группа женщин-мигрантов, обладающих минимальным набором ресурсов, отказывается от получения медицинской помощи и от обращения в женские консультации или опирается на возможность совмещения получения медицинской помощи в стране исхода и осуществления трудовой деятельности в России [Рочева, 2014].

Порой женщины-мигранты из Центральной Азии становятся жертвами насилия и сталкиваются с проблемой устройства незаконнорожденных детей. Страх потерять работу и стабильный заработок в случае сохранения ребенка, сложность поиска жилья с ребенком, риск неприятия родственниками, оставшимися на родине, ребенка, рожденного в эмиграции, невозможность достойного содержания рожденных в эмиграции детей приводят к тому, что большинство из них так и остаются в родильных и детских домах [Батенева, 2013].

Не в полной мере решен вопрос получения медицинской помощи женщинами-мигрантами и членами их семей. Несмотря на то что с 1 января 2017 г. временно пребывающие в России граждане государств — членов ЕАЭС имеют право на получение полиса [Рязанцев и др., 2019а], сохраняются сложности с предоставлением специальной помощи женщинам-мигрантам (например, наблюдение у врача в связи с беременностью).

Среди социальных проблем, с которыми сталкиваются трудовые мигрантки, исследователи также выделяют трудности с регистрацией по месту фактического проживания в России, которые обусловлены нежеланием собственников жилья предоставлять регистрацию мигрантам-квартиросъемщикам [там же].

Долгое время оставалась нерешенной проблема пенсионного обеспечения трудящихся-мигрантов. Только в 2021 г. вступило в силу новое Соглашение по вопросам выплаты пенсий гражданам государств, входящих в Евразийский экономический союз [Союзные обязательства..., 2020]. Оно решит проблемы гастарбайтеров, трудящихся в России, и россиян, работающих в других странах Евразийского союза. Им будет начисляться «евразийская пенсия», что обеспечит гражданам государств-членов возможность формировать, сохранять и реализовывать пенсионные права, приобретенные ими во время работы в странах ЕАЭС.

Однако для граждан других стран Евразии данный вопрос остается нерешенным. В пенсионном стаже не учитывается период рождения и воспитания детей, даже если они родились в России и стали ее гражданами. Не решены и вопросы установления стажа мигрантам, работавшим у частных лиц и в домохозяйствах. Большинство из этих работников — женщины [Рязанцев и др., 2019b: 61].

Н. Микиденко, С. Сторожева анализируют особенности информационных потребностей женщин-мигрантов на примере приезжих из Среднеазиатского региона в г. Новосибирск и Новосибирскую область, подчеркивая, что они обладают достаточным уровнем образования для работы со СМИ, интернет-источниками, готовы к самостоятельному поиску необходимой информации и нуждаются в активной информационной поддержке в новых для них обстоятельствах российского социума, в большом городе. Частое обращение к неформальным каналам трансляции информации обусловлено, с их точки зрения,

с одной стороны, характером социальных отношений в мигрантской среде, с другой — недостаточностью официальной информационной инфраструктуры. Подчеркивается потребность разработки сайтов с понятной интерпретацией законов, возможность получения информации как на русском, так и на родном языке. Брошюры по жизненно важным вопросам обустройства в стране пребывания являются теми информационными каналами, развитие которых позволит женщинам — трудовым мигрантам получать достаточно сведений о месте и условиях пребывания и о взаимодействии с принимающим сообществом [Микиденко, Сторожева, 2016].

Заключение

Феминизация миграционных процессов на евразийском пространстве все чаще находится в центре внимания ученых, прежде всего демографов и экономистов, что отражает рост активности участия женщин в миграционных процессах и их вовлеченности в рынок труда. Процесс изучения женской миграции и ее влияния на жизнедеятельность обществ динамичен, он непрерывно пополняется новыми исследованиями, поэтому в предлагаемом обзоре сделан акцент на основных концептуальных основах и научных проблемах в изучении женской миграции в Евразии. Как показал анализ, значительная часть исследований женской миграции посвящена теоретико-методологическим проблемам, выявлению направлений, объемов и форм женской миграции, факторов, причин, последствий и сложностей феминизации миграционных потоков. В них доказывается, что процесс феминизации — это объективный процесс, имеющий как позитивные, так и негативные последствия. На большом эмпирическом материале авторы раскрывают проблемы, с которыми сталкиваются женщины из-за миграции в странах исхода и принимающих странах. Значительная часть исследований посвящена трудовой миграции женщин из Кыргызстана и Таджикистана в Россию как наиболее массовидным миграционным процессам. Представленный обзор показывает, что обозначение проблематики, связанной с исследованием женской миграции, — это лишь начало многогранной научной работы по изучению процессов влияния гендерных стереотипов на сознание и поведение различных социальных общностей в отправляющих и принимающих странах. Заслуживают дальнейшего изучения проблемы адаптации женщин-мигрантов в принимающих обществах, их интеграционные стратегии, индивидуальные практики, идентичности, процессы реинтеграции в странах исходах. Необходимы сравнительные исследования положения женщин в странах исхода и принимающих обществах, их социального здоровья, социального самочувствия и социальных настроений, влияния феминизации миграции на интеграционные процессы на евразийском пространстве. Важно в большей мере сосредоточиться на миграционной политике принимающих и отдающих стран, особенно ее социальных аспектах, на разработке мер по преодолению стереотипов в сферах политики и управления, на рынке труда и в средствах массовой информации.

Результаты исследования внесут вклад в теоретическое осмысление феминизации миграционных процессов на евразийском пространстве, систематизацию знаний о женской миграции, позволят зафиксировать особенности и устойчивые тенденции трансформации данного феномена.

Библиографический список

- Байков А. А., Лукьянец А. С., Письменная Е. Е., Ростовская Т. К., Рязанцев С. В. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75—84.
- Батенева Е. В. Женская миграция из стран Центральной Азии: проблемы и особенности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1. С. 90—94.
- Бедрина Е. Б., Тухтарова Е. Х. Мониторинг факторов формирования миграционных потоков из Узбекистана в Россию // Вестник Уральского федерального университета. Сер.: Экономика и управление. 2016. Т. 15, № 4. С. 589—611.
- Богатырева М. Р., Нафикова Г. З. Женская трудовая миграция как основной фактор прекаризации и нестабильности труда // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1. С. 95—102.
- Бритвина И. Б. Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов, социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2006. 38 с.
- Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Вглядываясь в «этническое» сообщество: отличия характеристик интеграции в «земляческо-родственные» и «национальные» круги: (на примере мигрантов из Кыргызстана в Москве) // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14, № 3. С. 24—37.
- Гобеджишвили Л. Т. Процессы трудовой миграции в контексте институционально-правового обеспечения национальной безопасности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. 22 с.
- Гребенюк А. А. Теоретические подходы к изучению международной трудовой миграции // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1, № 1. С. 17—38.
- Доклад о миграции в мире, 2020 / Международная организация по миграции. 2020. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=2&*=%3D&lang=ru (дата обращения: 11.10.2020).
- Илимбетова А. А. Факторы и экономические последствия женской трудовой миграции в Россию // Вестник Московского университета. Сер. 6. 2013. № 4. С. 89—100.
- Ионцев В. А., Рязанцев С. В., Ионцева С. В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyue-tendentsii-i-formy-emigratsii-iz-rossii> (дата обращения: 22.12.2020).
- Кадыркулова Ж. К. Трудовая миграция в Кыргызстане // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 2. С. 186—189.
- Казенин К. И., Идрисов Э. Ш., Имашева М. М. Влияние миграции на рождаемость: случай переселения ногайцев из Республики Дагестан // Женщина в российском обществе. 2018. № 2. С. 75—88.
- Карачурина Л. Б. Женщины-мигранты в нише домашнего труда в России // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 93—101.
- Кирова И. О. Миграционная ситуация в Евразийском экономическом союзе // Гипотеза/Hypothesis. 2019. № 1. С. 40—49.
- Куприна Т. В. Особенности миграционных потоков стран ЕАЭС: сравнительно-сопоставительный анализ // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. Т. 2. С. 308—314.
- Мануйлова А. Гендерному равенству назвали цену // Коммерсантъ. 2017. 16 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3326159> (дата обращения: 11.10.2020).
- Микиденко Н. Л., Сторожева С. П. Женская трудовая миграция: информационные аспекты адаптации // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 2. С. 35—42.

- Осадчая Г. И.* Российский рынок труда в контексте формирования ЕАЭС // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 150—162.
- Осадчая Г. И.* Формирование единого рынка труда Евразийского экономического союза: эффекты для России // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 53—64.
- Осадчая Г. И.* Мигранты из стран Евразийского экономического союза на московском рынке труда // Осадчая Г. И. Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. М.: Экон-Информ, 2019. С. 129—153.
- Осадчая Г. И., Рязанцев С. В., Селезнев И. А., Письменная Е. Е.* Мобильность трудовых ресурсов в ЕАЭС: тенденции, барьеры, перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Т. 21, вып. 2. С. 31—40.
- Осадчая Г. И., Юдина Т. Н.* Постсоветская Россия: особенности миграционных процессов и политики // Поиск. 2016. № 3. С. 55—80.
- Пескова Д. Р., Абреу Бастос О. П.* Причины, риски и последствия распространения женской трудовой миграции: исследование на региональном уровне // Фундаментальные исследования. 2014. № 11, ч. 3. С. 596—600.
- Пешкова В. М.* Материальный мир мигрантов в контексте транснациональной миграции в России // Власть. 2018. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnyu-mir-migrantov-v-kontekste-transnatsionalnoy-migratsii-v-rossii> (дата обращения: 22.12.2020).
- Подшивалов В. Е.* Международно-правовые проблемы предупреждения и пресечения незаконной миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 24 с.
- Поletaев Д. В.* Связь миграции с ранними браками и разводами у мигрантов из Центральной Азии. 2013. URL: www.auca.kg/uploads/Migration_Database/Publications/Migration_early_marriages_Poletaev_2013.pdf (дата обращения: 11.10.2020).
- Поletaев Д. В.* Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджиков и киргизок // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономического кризиса. М.: Рос. совет по междунар. делам, 2016. С. 202—232.
- Поletaев Д. В.* Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 68—78.
- Рочева А. Л.* «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 3. С. 367—380.
- Рочева А.* Для одних мигранток отъезд в Россию — это шанс начать новую жизнь, для других — риск для репутации // Реальное время. 2020. 4 февраля. URL: <https://refugee.ru/news/для-одних-мигранток-отъезд-в-россию/> (дата обращения: 11.10.2020).
- Рычихина Н. С.* Современные тенденции женской международной трудовой миграции // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 45—54.
- Рязанцев С. В., Байков А. А., Морозов В. М.* Социально-экономическое положение и правовой статус киргизских трудовых мигрантов в России в контексте интеграции Кыргызстана в ЕАЭС // Миграционное право. 2019а. № 1. С. 3—8.
- Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Перемышлин С. Н.* Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование // Женщина в российском обществе. 2019b. № 4. С. 53—65.
- Секач М. Ф., Мостиков С. В.* Готовность к риску и психологическая безопасность как предикты миграционных намерений // Человеческий капитал. 2017. № 1. С. 11—13.
- Сиволясова С. Ю.* Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 106—113.
- Союзные обязательства: Россия начнет платить пенсии мигрантам // Gazeta.ru. 2020. 27 ноября. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/11/27/13377583.shtml> (дата обращения: 11.10.2020).

- Тарханова, Е. С. Специфика женской трудовой миграции в России // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1. С. 187—193.
- Труд и занятость в России, 2017 / Росстат. 2018. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/trud_2017.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
- Тюрюканова Е. В. Миграция женщин из России: еще одна «стратегия успеха»? // Гендерные аспекты социальной трансформации. М.: Моск. центр гендер. исслед.: Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения РАН, 1996. С. 84—102.
- Тюрюканова Е. В. Глобализация международной миграции: роль женщин // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики: сборник статей. М.: Рус. панорама, 2002. С. 71—87.
- Хоткина З. Гендерная дискриминация в неофициальной экономике // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: Междунар. орг. труда, 2003. С. 27—49.
- Яловицына С. Э. Влияние «опыта войны» на социальную адаптацию мигрантов: (на основе биографических интервью) // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 131—137.
- Anderson B. Servants and slaves: Europe's domestic workers // *Race & Class*. 1997. Vol. 39, № 1. P. 37—49.
- Carling J. Gender dimensions of international migration // *Global Migration Perspectives*. 2005. № 35. P. 1—26.
- Chant S. Towards a framework for the analysis of gender-selective migration // *Gender and Migration in Developing Countries*. London: Belhaven Press, 1992. P. 1—29.
- Colen S. Like a mother to them: stratified reproduction and West Indian childcare workers and employers in New York // *Conceiving the New World Order: the Global Politics of Reproduction*. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 78—102.
- Collins P. H. *Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness and the Politics of Empowerment*. New York; London: Routledge, 2000. 335 p.
- Harzig C. Women migrants as global and local agents: new research strategies on gender and migration // *Women, Gender and Labour Migration. Historical and Global Perspectives*. London; New York: Routledge, 2001. P. 15—28.
- Hondagneu-Sotelo P. Overcoming patriarchal constraints: the reconstruction of gender relations among Mexican immigrant women and men // *Gender & Society*. 1992. Vol. 6, № 3. P. 393—415.
- Hondagneu-Sotelo P. Gender and immigration: a retrospective and introduction // *Gender and U. S. Immigration: Contemporary Trends*. Berkeley; Los Angeles (CA): University of California Press, 2003. P. 2—18.
- Korotkova I. B., Gavrilova N. O. Migrants in Russia: the degree of severity of the problem and solutions // *Проблемы науки*. 2019. № 4. С. 109—111.
- Lutz H. At your service, madam! The globalization of domestic service // *Feminist Review*. 2002. Vol. 70, № 1. P. 89—104.
- Lutz H. Gender in the migratory process // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36, № 10. P. 1647—1663.
- Mahler S., Pessar P. R. Gendered geographies of power: analyzing gender across transnational spaces // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2001. Vol. 7, № 4. P. 441—459.
- Morokvasic M. Birds of passage are also women // *International Migration Review*. 1984. Vol. 18, № 4. P. 886—907.
- Oishi N. *Gender and Migration: an Integrative Approach* / Center for Comparative Immigration Studies. University of California — San Diego, 2002.
- Pessar P. R. Women, gender, and international migration across and beyond the Americans: inequalities and limited empowerment // *Expert Group Meeting on International Migration and Development in Latin America and the Caribbean*. Mexico:

- United Nations, 2005. URL: http://www.un.org/esa/population/meetings/IttMigLAC/P08_PPessar.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
- Phizacklea A. Migration and globaltization: a feminist perspective // *The New Migration in Europe*. London: Macmillan, 1998. P. 21—38.
- Piore M. *Birds of Passage: Migrant Labour and Industrial Societies*. New York: Cambridge University Press, 1979. 229 p.
- Todorov G. N., Kalinina A. V., Rybakova A. I. Impact of labour migration on entrepreneurship ecosystem: case of Eurasian Economic Union // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2018. Vol. 5, № 4. P. 992—1007.

References

- Anderson, B. (1997) Servants and slaves: Europe's domestic workers, *Race & Class*, vol. 39, no. 1, pp. 37—49.
- Baikov, A. A., Luk'ianets, A. S., Pis'mennaia, E. E., Rostovskaia, T. K., Riazantsev, S. V. (2018) Ėmigratsiia molodězhi iz Rossii: masshtaby, kanaly, posledstviia [Youth emigration from Russia: scale, channels, consequences], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 75—84.
- Bateneva, E. V. (2013) Zhenskaia migratsiia iz stran Central'noi Azii: problemy i osobennosti [Women's migration from countries of the Central Asia: problems and particularities], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 1, pp. 90—94.
- Bedrina, E. B., Tukhtarova, E. Kh. (2016) Monitoring faktorov formirovaniia migratsionnykh potokov iz Uzbekistana v Rossiiu [Factors monitoring of migration flows from Uzbekistan to Russia], *Vestnik Ural'skogo federal'nogo universiteta, seriia ėkonomika i upravlenie*, vol. 15, no. 4, pp. 589—611.
- Bogatyreva, M. R., Nafikova, G. Z. (2015) Zhenskaia trudovaia migratsiia kak osnovnoi faktor prekarizatsii i nestabil'nosti truda [Women's labor migration as the main factor of precarization and labor instability], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, no. 1, pp. 95—102.
- Britvina, I. B. (2006) *Gendernaia determinatsiia adaptatsii vyzhdennykh migrantov: Sotsiologicheskii analiz: Avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Gender determination of adaptation of forced migrants: Sociological analysis: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Ekaterinburg.
- Carling, J. (2005) Gender dimensions of international migration, *Global Migration Perspectives*, no. 35, pp. 1—26.
- Chant, S. (1992) Towards a framework for the analysis of gender-selective migration, in: *Gender and Migration in Developing Countries*, London: Belhaven Press, pp. 1—29.
- Colen, S. (1995) Like a mother to them: stratified reproduction and West Indian childcare workers and employers in New York, in: *Conceiving the New World Order: The Global Politics of Reproduction*, Berkeley: University of California Press, pp. 78—102.
- Collins, P. H. (2000) *Black Feminist Thought: Knowledge: Consciousness and the Politics of Empowerment*, New York, London: Routledge.
- Doklad o migratsii v mire, 2020 (2020) [World migration report, 2020], available from https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=2&*=%3D&lang=ru (accessed 11.10.2020).
- Gobedzhishvili, L. T. (2005) *Protssesy trudovoĭ migratsii v kontekste institutsional'no-pravovogo obespecheniia natsional'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii: Avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Labor migration processes in the context of institutional and legal support of national security in modern Russia: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Rostov-na-Donu.

- Grebeniuk, A. A. (2016) Teoreticheskie podkhody k izucheniiu mezhdunarodnoï trudovõ migratsii [Theoretical approaches to the study of international labor migration], *Migratsiia i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiie*, vol. 1, no. 1, pp. 17—38.
- Harzig, C. (2001) Women migrants as global and local agents: New research strategies on gender and migration, in: *Women, Gender and Labour Migration. Historical and Global Perspectives*, London, New York: Routledge, pp. 15—28.
- Hondagneu-Sotelo, P. (1992) Overcoming patriarchal constraints: The reconstruction of gender relations among Mexican immigrant women and men, *Gender & Society*, vol. 6, no. 3, pp. 393—415.
- Hondagneu-Sotelo, P. (2003) Gender and immigration: A retrospective and introduction, in: *Gender and U. S. Immigration: Contemporary Trends*, Berkeley, Los Angeles, CA: University of California Press, pp. 2—18.
- Ialovitsyna, S. È. (2020) Vliianie “opyta voïny” na sotsial'nuiu adaptatsiiu migrantov: (Na osnove biograficheskikh interv'iu) [Impact of “war experience” on migrants’ social adaptation: (Based on the biographical interviews)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 131—137.
- Ilimbetova, A. A. (2013) Faktory i ekonomicheskie posledstviia zhenskoï trudovõ migratsii v Rossiiu [Factors and economic consequences of women’s labor migration to Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 6, no. 4, pp. 89—100.
- Iontsev, V. A., Riazantsev, S. V., Iontseva, S. V. (2016) Novye tendentsii i formy emigratsii iz Rossii [New trends and forms of emigration from Russia], *Èkonomika regiona*, no. 2, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-i-formy-emigratsii-iz-rossii> (accessed 22.12.2020).
- Kadyrkulova, Zh. K. (2018) Trudovaia migratsiia v Kyrgyzstane [Labor migration in Kyrgyzstan], *Mezhdunarodnyï zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 2, pp. 186—189.
- Karachurina, L. B. Zhenshchiny-migranty v nische domashnego truda v Rossii [Women migrants in the niche of household labor in Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 93—101.
- Kazenin, K. I., Idrisov, È. Sh., Imasheva, M. M. (2018) Vliianie migratsii na rozhdaemost': sluchaï pereseleniia nogaitsev iz Respubliki Dagestan [The relation of migration and fertility: the case of migration of Nogais from Dagestan], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 75—88.
- Khotkina, Z. (2003) Gendernaia diskriminatsiia v neofitsial'noï ekonomike [Gender discrimination in the informal economy], in: *Gendernoe ravenstvo: poiski resheniia starykh problem*, Moscow: Mezhdunarodnaia organizatsiia truda, pp. 27—49.
- Kirova, I. O. (2019) Migratsionnaia situatsiia v Evraziiskom ekonomicheskom soiuze [The migration situation in the Eurasian economic union], *Gipoteza/Hypothesis*, no. 1, pp. 40—49.
- Korotkova, I. B., Gavrilova, N. O. (2019) Migrants in Russia: the degree of severity of the problem and solutions, *Scientific problems*, no. 4, pp. 109—111.
- Kuprina, T. V. (2017) Osobennosti migratsionnykh potokov stran EAËS: sravnitel'no-sopostavitel'nyi analiz [Features of EAEU migration flows: comparative analysis], in: *Demograficheskii potentsial stran EAËS: VIII Ural'skiï demograficheskii forum*, vol. 2, Ekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, pp. 308—314.
- Lutz, H. (2002) At your service, madam! The globalization of domestic service, *Feminist Review*, vol. 70, no. 1, pp. 89—104.
- Lutz, H. (2010) Gender in the migratory process, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 36, no. 10, pp. 1647—1663.

- Mahler, S., Pessar, P. R. (2001) Gendered geographies of power: analyzing gender across transnational spaces, *Identities: Global Studies in Culture and Power*, vol. 7, no. 4, pp. 441—459.
- Manuїlova, A. (2017) Gendernomu ravenstvu nazvali tsenu [Gender equality was given a price], *Kommersant*, June, 16, available from <https://www.kommersant.ru/doc/3326159> (accessed 11.10.2020).
- Mikidenko, N. L., Storozheva, S. P. (2016) Zhenskaia trudovaia migratsiia: informatsionnye aspekty adaptatsii [Female labor migration: the informational aspects of adaptation], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki, no. 2, pp. 35—42.
- Morokvasic, M. (1984) Birds of passage are also women, *International Migration Review*, vol. 18, no. 4, pp. 886—907.
- Oishi, N. (2002) *Gender and Migration: An Integrative Approach*, Center for Comparative Immigration Studies, University of California — San Diego.
- Osadchaia, G. I. (2015) Rossiiskii rynek truda v kontekste formirovaniia EAES [The Russian labor market in the context of the formation of the EAEU], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 4, pp. 150—162.
- Osadchaia, G. I. (2017) Formirovanie edinogo rynka truda Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuz: efekty dlia Rossii [The formation of a common labor market of the Eurasian Economic Union: implications for Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 53—64.
- Osadchaia, G. I. (2019) Migranty iz stran Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuz na moskovskom rynke truda [Migrants from the countries of the Eurasian Economic Union in the Moscow labor market], in: Osadchaia, G. I., *Stanovlenie Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuz: idei, real'nost', potentsial*, Moscow: Ėkon-Inform, pp. 129—153.
- Osadchaia, G. I., Riazantscev, S. B., Seleznev, I. A., Pis'mennaia, E. E. (2018) Mobil'nost' trudovykh resursov v EAES: tendentsii, bar'ery, perspektivy [Labor mobility in the EAEU: trends, barriers, prospects], *Central'naia Azii i Kavkaz*, vol. 21, no. 2, pp. 31—40.
- Osadchaia, G. I. Iudina, T. N. (2016) Postsovetskaia Rossiia: osobennosti migratsionnykh protsessov i politiki [Post-Soviet Russia: features of migration processes and policies], *Poisk*, no. 3, pp. 55—80.
- Peshkova, V. M. (2018) Material'nyi mir migrantov v kontekste transnatsional'noi migratsii v Rossii [The material world of migrants in the context of transnational migration in Russia], *Vlast'*, no. 9, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnyy-mir-migrantov-v-kontekste-transnatsionalnoy-migratsii-v-rossii> (accessed 22.12.2020).
- Peskova, D. R., Abreu Bastos, O. P. (2014) Prichiny, riski i posledstviia rasprostraneniia zhenskoi trudovoi migratsii: issledovanie na regional'nom urovne [Causes, risks and consequences of the spread of women's labor migration: a regional study], *Fundamental'nye issledovaniia*, no. 11, pt. 3, pp. 596—600.
- Pessar, P. R. (2005) Women, gender, and international migration across and beyond the Americas: inequalities and limited empowerment, in: *Expert Group Meeting on International Migration and Development in Latin America and the Caribbean*, Mexico: United Nations, available from http://www.un.org/esa/population/meetings/IttMigLAC/P08_PPessar.pdf (accessed 11.12.2020).
- Phizacklea, A. (1998) Migration and globalization: a feminist perspective, in: *The New Migration in Europe*, London: Macmillan, pp. 21—38.
- Piore, M. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labour and Industrial Societies*, New York: Cambridge University Press.
- Podshivalov, V. E. (2004) *Mezhdunarodno-pravovye problemy preduprezhdeniia i presecheniia nezakonnoi migratsii*: Avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [International

- legal problems of preventing and suppressing illegal migration: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.), St. Petersburg.
- Poletaev, D. V. (2013) *Sviaz' migratsii s rannimi brakami i razvodami u migrantov iz Central'noĭ Azii* [Connection of migration with early marriages and divorces among migrants from Central Asia], available from www.auca.kg/uploads/Migration_Database/Publications/Migration_early_marriages_Poletaev_2013.pdf (accessed 11.10.2020).
- Poletaev, D. V. (2016) *Feminizatsiia soobshchestv trudovykh migrantov iz Srednei Azii: novye sotsial'nye roli tadhichek i kirgizok* [Feminization of communities of labor migrants from Central Asia: new social roles of Tajik women and Kyrgyz women], in: *Transnatsional'nye migratsii i sovremennye gosudarstva v usloviakh ekonomicheskogo krizisa*, Moscow: Rossiĭskii sovet po mezhdunarodnym delam, pp. 202—232.
- Poletaev, D. V. (2018) *Zhenskaia trudovaia migratsiia iz Tadhikistana i Kirgizii v Rossiiu* [Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia], *Narodonaselenie*, vol. 21, no. 4, pp. 68—78.
- Riazantsev, S. V., Baĭkov, A. A., Morozov, V. M. (2019a) *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie i pravovoi status kyrgyzskikh trudovykh migrantov v Rossii v kontekste integratsii Kyrgyzstana v EAES* [The socioeconomic position and the legal status of Kyrgyz labor migrants in Russia within the framework of integration of Kyrgyzstan in the EAEU], *Migratsionnoe pravo*, no. 1, pp. 3—8.
- Riazantsev, S. V., Rostovskaia, T. K., Peremyshlin, S. N. (2019b) *Gendernye aspekty trudovoi migratsii v Rossii: trendy, posledstviia, regulirovanie* [Gender aspects of labor migration in Russia: trends, implications, regulations], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 53—65.
- Rocheva, A. L. (2014) "Ponaekhali tut" v roddomakh Rossii: Issledovanie rezhima stratifitsirovannogo vosproizvodstva na primere kirgizskikh migrantov v Moskve ["A swarm of migrants in our maternity clinics!": The study of stratified reproduction regime in the case of Kyrgyz migrants in Moscow], *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 367—380.
- Rocheva, A. (2020) *Dlia odnikh migrantok ot'ezd v Rossiiu — eto shans nachat' novuiu zhizn', dlia drugikh — risk dlia reputatsii* [For some women-migrants migration to Russia is a chance to start a new life, for others it is a risk to their reputation], *Real'noe vremia*, February, 4, available from <https://refugee.ru/news/dlya-odnix-migrantok-ot'ezd-v-rossiyu/> (accessed 11.10.2020).
- Rychikhina, N. S. (2020) *Sovremennye tendentsii zhenskoĭ mezhdunarodnoi trudovoi migratsii* [Modern trends of women's international labor migration], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 45—54.
- Sekach, M. F., Mostikov, S. V. (2017) *Gotovnost' k risku i psikhologicheskaiia bezopasnost' kak predikty migratsionnykh namerenii* [The willingness to take risks and psychological safety as the predicate migration intentions], *Chelovecheskiiĭ capital*, no. 1, pp. 11—13.
- Sivopliasova, S. Yu. (2020) *Zhenskaia trudovaia migratsiia v period pandemii COVID-19* [Female labor migration in the conditions of the pandemic COVID-19], *Nauchnoe obozrenie*, seriiia 1, *Ekonomika i pravo*, no. 3, pp. 106—113.
- Soiuznye obiazatel'stva: Rossiia nachnĕt platit' pensii migrantam (2020) [Union obligations: Russia will start paying pensions to migrants], *Gazeta.ru*, November 27, available from <https://www.gazeta.ru/business/2020/11/27/13377583.shtml> (accessed 11.10.2020).
- Tarkhanova, E. S. (2015) *Spetsifika zhenskoĭ trudovoi migratsii v Rossii* [The particularities of female labor migration in Russia], *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: sostoianie, tendentsii, perspektivy*, no. 1, pp. 187—193.
- Tiuriukanova, E. V. (1996) *Migratsiia zhenshchin iz Rossii: eshchĕ odna "strategiia uspekha"?* [Migration of women from Russia: another "strategy for success"?], *Gendernye aspekty sotsial'noi transformatsii*, Moscow: Moskovskiiĭ tsentr gendernykh issledovaniĭ, Institut

- sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniia Rossiiskoi akademii nauk, pp. 84—103.
- Tiuriukanova, E. V. (2002) Globalizatsiia mezhdunarodnoi migratsii: rol' zhenshchin [The globalization of international migration: the role of women], in: *Gender i ekonomika: mirovoi opyt i ekspertiza rossiiskoi praktiki*, Moscow: Russkaia panorama, pp. 71—87.
- Todorov, G. N., Kalinina, A. V., Rybakova, A. I. (2018) Impact of labour migration on entrepreneurship ecosystem: case of Eurasian Economic Union, *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 5, no. 4, pp. 992—1007.
- Trud i zaniatost' v Rossii* (2017) [Labor and employment in Russia], available from https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/trud_2017.pdf (accessed 15.11.2020).
- Varshaver, E. A., Rocheva, A. L. (2015) Vgliadyvaia's' v "etnicheskoe" soobshchestvo: otlichiiia kharakteristik integratsii v "zemliacheskoro-rodstvennye" i «natsional'nye» krugi: (Na primere migrantov iz Kyrgyzstana v Moskve) [Peering into "ethnic" community: integration in performance differences "patriotic-related" and "national" wheels: (On the example migrants from Kyrgyzstan in Moscow)], *Sotsial'naia politika i sotsiologiia*, vol. 14, no. 3, pp. 24—37.

Статья поступила 25.02.2021 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Осадчая Галина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследований демографических и миграционных процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, osadchaya111@gmail.com (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department of Research on Demographic and Migration Processes in the EAEU, Institute for Demographic Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Киселева Евгения Евгеньевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия (Cand. Sc. (Sociology), Senior Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Киреев Егор Юрьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, yegorkireev@gmail.com (Cand. Sc. (Sociology), Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Черникова Анна Андреевна — младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, aannuu@yandex.ru (Junior Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).